

Болгарская критика чрезвычайно высоко оценила мемуарный цикл писателя. «Элегия о мертвых днях» удостоена премии города Софии за 1976 год, роман «Это страдное ремесло» признан «романом года». Отмечаются и новаторские приемы письма, «способствующие обновлению и обогащению современной болгарской прозы».

Н. СМЕРНОВА

ПОЭТИЧЕСКАЯ ТЕТРАДЬ ЭУДЖЕНИО МОНТАЛЕ

Eugenio Montale. Quaderno di quattro anni. Milano, Mondadori, 1977.
Эудженио Монтале. Тетрадь за четыре года. 1977.

В стихотворении «Интеллектуальное воспитание», открывающем его новую книгу, итальянский поэт Эудженио Монтале вспоминает дни юности, даже отрочества, когда «самый яростный ветер казался ласковым» и линия морского горизонта была в летние месяцы светлой, не то что теперь, и когда на платформах из окна железнодорожного вагона можно было видеть вперед пригородного поезда паровоз с романтическим названием «Беллерофонт» или «Орион»... Между «вихрастым пареньком» из этого стихотворения, задающим себе мучительные вопросы о сущности человеческого бытия, и автором стихотворения — десятилетия жизни, жизни человека, который на три с лишним года старше бурного XX столетия. Вот некоторые вехи в хронологической капве этой жизни:

1925 год. Пьеро Гобетти издает первую книгу стихотворений Монтале «Панцири каракатиц», отразившую в застывших картинах хаотичного мира трагическое мироощущение поэта. Спустя несколько месяцев Монтале ставит свою подпись под манифестом антифашистской интеллигенции.

1938 год. За отказ вступить в фашистскую партию Монтале увольняют с должности директора флорентийской библиотеки «Кабинет Вьессо».

1943 год. В Лугано выходит сборник поэта «Финистерре», рукопись которого тайно вывез в Швейцарию известный критик Джанфранко Контини (по цензурным соображениям антивоенное стихотворение «Буря», открывавшее сборник, не могло быть напечатано в Италии); со временем — в 1956 году «Финистерре» составил начальный цикл книги «Буря» и другие стихотворения).

1967 год. За заслуги перед итальянской культурой Монтале получает звание пожизненного сенатора.

1975 год. Шведская академия присуждает 79-летнему поэту Нобелевскую премию по литературе.

«Тетрадь за четыре года» — седьмая книга Монтале. Своим названием сборник

перекликается с предшествовавшим ему «Дневником 71-го и 72-го» и развивает линию «Сатурь» (1971)¹, сборника, для которого характерна возрастающая тенденция к приземленности поэтической речи, к расширению ее коммуникативных возможностей. Сопоставляя сложные по форме герметические стихотворения раннего Монтале с поэтическими страницами «Тетради» и отмечая изменившийся подход автора к поэтическому посланию и освоение нового жизненного материала, критик Джулиано Манакорда писал в газете «Унита»: «В то время (в период создания первой книги стихотворений.— Е. С.) поэтический акт приобретал для Монтале характер редкого озарения, являлся выражением метафизического напряжения и свидетельствовал об аристократическом понимании литературы; теперь перед нами поэзия — как род повседневной практики, беседы, сообщения, которая не гнушается опуститься до хроникальной заметки...»

В новой книге Монтале сто десять стихотворений, написанных между июлем 1973 и июнем 1977 года (даты проставлены в оглавлении). Заглавие сборника продумано: в тетрадь можно записывать все, ее страницы могут быть и страницами воспоминаний, и черновиками писем, и отражением мыслей, и дневником чувств; для тетради не обязательен лейтмотив, она допускает фрагментарность, когда заметки, наброски, зарисовки вдруг сменяются эпиграммой, идеалическая картина прошлого — экскурсом в будущее, строки о любви — строками о смерти, «нравящейся только юным».

Жанру поэтической тетради не противопоставлена проза жизни, чуждая герметической «поэзии отсутствия», печатью которой отмечен ряд хрестоматийных стихотворений из «Панцирей», «Обстоятельств» (1939), «Бури». И Монтале записывает: «Ни за что ни про что /меня поселили в меблированных комнатах, / где нет ресторана». Или такой прозаический факт: «Моей улице повезло; / по ней запрещено движение автомобилей...»

Почтенному возрасту свойственна повышенная склонность к назидательности, желание поворчать, и тут нужно отдать должное Монтале: его выручает чувство юмора. Один небольшой штрих, одна остроумная находка — и факт неприятия поэтом популярного среди молодежи мюзикла скорее вызовет у поклонников поп-оперы понимающую улыбку, чем раздражение: «В телевизоре /Христос на кресте пел наподобие тенора, / которого внезапно схватили поп-колки. / Вот она, религия двадцатого века».

Одиночество и благодарная память воскрешают на страницах сборника дорогие поэту имена Клици и Джерти — в критике нередко их называют музами Монтале.

¹ См. «Иностранную литературу» № 1, 1973.

Щемящая тема одиночества как бы продолжает тему «Ксений» — двух циклов «Сатурны», написанных на смерть жены. Уходящие годы заставляют мучительно воспринимать невозвратимость утрат, и примеры расточительства чувств вызывают недоумение, кажутся непостижимыми.

Стоит на пару дней отлучиться — и голубей, столующихся на подоконнике, охватывает беспокойство: так уж они устроены. Вернувшись, я успокаиваю их добавочной порцией крошек, и досаде дрозда, спящего между обожаемым виваи и мной. Да, поредела моя семья, что поделаешь. А кому-то — подумать только — мало одной!

Мир, в котором живет Монтале, не многим представляется сегодня устойчивым, каким мог казаться еще десять — пятнадцать лет назад. Полицейская хроника, повествующая изо дня в день об убийствах, насилиях, похищениях людей, ограблениях, занимает все больше места на страницах западных газет. Множатся кровавые акции политических экстремистов. Принимает угрожающие масштабы инфляция. Острее проявляется конфликт отцов и детей. Происходящего вокруг достаточно, чтобы сказать: «... я не жду дальнейших ужасов, /сверх уже знакомых мне» («Читая Кавафиса»). Достаточно, чтобы признаться: «Если горько думать о смерти, /мысль о том, что Всё продолжается, / самая страшная» («Свидетели Иеговы»).

«...Муза нашего времени — ненадежность», — с болью пишет Монтале в стихотворении «На море (или почти на море)». Эти слова поэт мог бы поставить эпиграфом к страницам книги, наиболее очевидно отразившим его скептицизм. Обращает на себя внимание контраст между мрачной картиной, которую воссоздает поэт, и неожиданной иронией — его единственным оружием перед лицом враждебного ему мира («Под ломбардским портретом» и «Панегirik нашему времени»). Желательное впечатление достигается, например, контрастом между заглавием стихотворения и самим стихотворением.

ВЕСЕННЯЯ АПАТИЯ

Растет число похищений
не появляйтесь на улице поодиночке
после захода солнца впрочем и до
лучше не выходить из дома
для учителей каратэ и дзюдо
настали золотые денечки
портные шьют наперегонки
пуленепроницаемые жилеты
родители учеников ходят в школу
чего не делают дети родителей ученики
наша цивилизация достигла расцвета
преданы забвению все запреты
распущены не знают удержу языки.

Ирония там, где она, казалось бы, неуместна, подчас сильнее дидактики, действеннее морализирования. Нередко поэт обращает иронию и против себя самого. И,

¹ Здесь и далее стихи даны в переводе автора статьи.

конечно же, тревожное предупреждение об опасности правого переворота в Италии не воспринимается как пустая риторика, когда, пророчествуя трагические перемены, поэт представляет себя облаченным в казенную униформу певцов будущего диктатора:

Жить осталось немного,
но я надеюсь успеть
воспеть в моих бедных виршах
грядущего тирана. Как Нерон от Лунана,
он от меня не потребует самоубийства.
Ему захочется, чтобы его искренне
возлюбили
и славословили, — он получит хвалы
в изобилии.
Заманчива творческая платформа,
согласно которой
в поэзии главное не содержание,
но Форма.

Мрачная перспектива. Горькие строки. Нетрудно представить, что, произнося их, испытывал человек, в своей нобелевской лекции четко и просто, без экзальтации сказавший о режиме Муссолини: «режим, который я не мог любить».

Новый сборник Монтале вносит существенные коррективы в критические исследования о поэте, подкрепляя замечание, высказанное им в одном из интервью 60-х годов: «... историю современной литературы (если допустить, что можно заниматься историей современной литературы) надлежало бы переделывать свою книгу каждые десять лет». Известная эволюция эстетических позиций поэта, дальнейшая их демократизация значительно расширила в последние годы круг его читателей. Те из них, кто не сразу пришел к Монтале, теперь заново открывают для себя поэзию «Панцирей», «Обстоятельств», «Бури», возвращаются к поэтической прозе «Динарской бабочки» (Динар — городок во Франции) — книги, которую Монтале назвал однажды «автобиографическим романом».

В свое время отдельные эпизоды «Динарской бабочки» явились как бы иллюстрациями к лирике «Панцирей». Сегодня, перелистывая «Тетрадь за четыре года», можно говорить о новом ракурсе воспоминаний.

За проволочной сеткой палисада
одной из тех железнодорожных будок,
где останавливаются только
товарные составы,
всего-то места было
что для маков и салата.
И был еще там полугай на жердочке,
он говорил и говорил...
но я в моем вагоне
его не мог, не успевал расслышать.
Воспоминание не из недавних: юность.
Полвека с лишком миновало —
слишком мало...

Слишком мало — чтобы забыть поездки в Монтероссо, где начиная с десятилетнего возраста будущий поэт проводил летние каникулы, забыть то время, когда «вихрастый паренек» задавал себе первые мучительные вопросы о сущности человеческого бытия. Слишком мало — чтобы успеть найти исчерпывающие ответы на эти вечные вопросы.

ЕВГЕНИЙ СОЛОНОВИЧ